

5 коп.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

**Слезай
с пелки!**

ПАМЯТКА УДАРНИКУ

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Б 33

СЛЕЗАЙ С ПЕЧКИ!

ПАМЯТКА УДАРНИКУ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ А. ЕФРЕМИНА

ГОСИЗДАТ РСФСР 1926
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

★

14 т. „Мосполиграф“
Варгунихина гора, 8.
Мособлит № 15414.
Тираж 100.000

★

*Подать оплачена, хлеб есть, и лежи
на печи!
Хлебом не корми, только с печи
не гони!
Печь нам — мать родная!*

*ДОБРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ ДОБРОГО
РУССКОГО НАРОДА*

Иишем собственноручно:
— „В Донбассе неблагополучно'
Углекопный народ
Бредет вразброд,
Бежит и оптом и поштучно!“
В конце концов —
Десятки тысяч беглецов.
Случись это у иностранцев,
У американцев,
Немцев, французов, англичан,
Отвернули б мы кран
Словесного водолейства
Насчет буржуйского злодейства,
Кровожадного вампирства:
— „Довели углекопов до дезертирства!“
Наделали б мы крику
Буржуйам в пику:
— „Рушится капиталистический Ваал!“¹
— „Трещит буржуйская конституция!“
— „Позор!“
— „Разор!“

— „Развал!“

— „Ре-во-лю-ци-я!“

А у нас „хоть бы хны“:

Ни на ком никакой вины.

Такова, мол, донбасская участь:

Углекопы — вроде волны.

— „Утечка! Текучесть!

Отлив!“ —

В каждом слове — водица!

В чем же дело? Рабочий ли стал прихотлив?

Иль хозаппарат никуда не годится?

Утечка! Волна!

Чем-то вызвана все же она.

Кто ответчик за это?

Дождливое лето?

Нет спасения от мокроты?

Шахты все превратились в колодцы?

Как же так? Есть у нас трудовые фронты?

Есть на них полководцы?

Как же! Есть!

И в количестве даже не малом.

Нам наемни в газете пришлось прочесть

О самоотверженьи их небывалом,

Увенчавшемся... полным провалом.

Лапти им, полководцам хозяйственным, плести!

...Половина шахтоуправлений работает самым безобразным образом... Механизация проводится в шахтах из рук вон плохо, преступно, по оценке приехавшего сюда председателя «Союзугля» тов. Шварца. Многие врубовые машины стоят без дела. Те, которые работают, дают полнормы. Рабочая сила до сих пор не расставлена по-новому, с учетом нехватки рабочих... Никто не пытался до се-

годняшнего дня организовать совещание с кадровыми рабочими по вопросу о методах ликвидации прорыва. Рабочие забыли, что такое производственное совещание, а администраторы и техники по полгода (есть и такие факты!) не только не заходили в казармы, но даже в шахты не спускаются.

«Известия ЦИК СССР» от 1 сент. с. г.

Полюбуйтесь! Вот они где
Ру-ко-во-ди-те-ли!
Кто держаться так может спокойно — в беде?
Расчетливо-тонкие наши вредители
Иль — того повреднее! — расейские шляпы,
Неизлечимые головотяпы?
Навербованных по деревням батраков,
Землячков,
Новичков,
Поезд к угольным шахтам привез издалеча.
Что же? Их ожидала сердечная встреча?
Полюбуйтесь на эту картину:
Привезли ведь людей, не скотину,
За которой у нас всем известный уход:
Хорошо, коль живой доведут половину.
А ведь тут все же люди, не скот.
Ну, так вот:

Прибывшая 19 августа партия мобилизованных батраков провалялась на вокзале четыре дня. Никто ее не встретил. Не к кому было обратиться за справкой, куда дальше двигаться...

К станции под'ехал очередной эшелон с батраками и комсомольцами... Единственно, что они слышат сейчас, это — голос станционного сторожа:

— Вылазь, на перроне спать нельзя!
Такова встреча.

«Изв.»

Крики. Жалобы. Ругань. Толкучка. Бедлам.²
Наконец-то — с грехом пополам —
Разместили в казармах — на койке, под мойкою —
Новобранцев породу нестойкую.
Разместивши, махнули рукой.
Проработки, заботы о них — никакой!

Никто с ними не ведет задушевной беседы,
никто не знакомит их с житьем-бытьем шах-
тера, никто не попытается дать отпор усиле-
но распространяемым кулацким сплетням о
бесконечных подземных страхах, взрывах и
завалах. Мобилизованные предоставлены са-
мым себе.

«Изв.»

Наконец, в заключение,
Происходит „учение“,
ЗАПУГИВАНИЕ — это будет верней —
Деревенских парней:

За час до спуска в шахту приходит техник
и отбарабанивает такую лекцию о технике
безопасности и в таком «предупреждающем»
тоне, что, действительно, становится жутко:
не становись, не садись, не ложись! Сзади ва-
гон, спереди газ, там огонь, здесь пыль,—
хоть помирай!

«Изв.»

Новобранцы — кто день помотался, кто — два,
А потом — наутек! Погибать? Спаси, боже!
Что там уголь какой-то? Своя голова —
Дороже!
„Утечка“! Хиреет рабочий поток,
От бездарно-хозяйственных глаз утекая.
И сегодня в газете — все тот же свисток,
Тревожный свисток — ТЕЛЕГРАММА такая:

ВМЕСТО ЛИКВИДАЦИИ ПРОРЫВА ДОНБАСС ДАЕТ ПОЗОРНЫЕ ЦИФРЫ ДОБЫЧИ

ХАРЬКОВ, 5 сентября. Первые числа сентября принесли новые увеличения прорыва в Донбассе. Ни разу еще не бывало таких низких цифр добычи, 54,2% за 1 сентября, 60,3% за 2 сентября и 61,7% за 3 сентября. Даже в августе (наихудший месяц по выполнению плана) Донбасс в среднем давал 69—70% суточной нормы.

Донбассантрацит и Севкавуголь стали сдавать позиции. Донбассантрацит, не спускавшийся в прежние месяцы ниже 80%, дал 3 сентября только 64,9% плана. Севкавуголь, раньше отстававший от плана на 9—10%, дал 1 сентября 76,5%, 2 сентября 64%, 3 сентября — 71,7% задания. Остальные районные управления оказались сейчас на позорном уровне 50-процентного выполнения плана.

«Изв.» от 6 сент.

Вот как дело ведется!

Зачем же в газетах обо всем этом пишется,

Если это не всеми, как нужно, прочтется,

Если это не всеми, как нужно, услышится,

Если начисто мы не выметем вон

Всех, себя показавших в преступнейшей тактике,

Проявивших подлейший из подлых уклон

В напряженной строительной нынешней практике?

Уклон этот жуток.

С ним — совсем не до шуток:

Он — наш кровный, прилипчивый, свой!

Он — наследие всей дооктябрьской культуры!

У нас — расслабление всей волевой

Мускулатуры!

Мы — рвачи:

Мы, рванувши, с надрыва шатаемся,

За брюхо хватаемся
И — соломенные силачи —
Отпарившись в баньке, храпим на печи,
Храпим и сердито бормочем:
— „Прорывы на фронте рабочем?..
Текучесть!.. Нельзя без утечки!..
Не тяните нас с печки!..
Эх, абы да кабы
Во рту сами росли бы грибы!..
И, чтоб всё тебе — хлеб и одежда,
На печи этак лежа!.. “
Сладкий храп и слюнища возжею с губы.
Идеал русской лени. В нем столько похабства.
Кто сказал, будто „мы — не рабы“?
Да у нас еще этого рабства!..
Мы — словесные ухари. Сразу мы вспыхнем
И немедля сыреем и дрыхнем.
Дрыхнем, сидя — башка на руке,
Слюна по щеке...
ДРЫХНЕМ! Подлое слово, расейски-утробное!
ДРЫХНЕМ! Где, на культурном каком языке
Еще сыщется слово подобное?!
Ленивым присловьем богат испокон
Наш родной лексикон:
Сидень, увалень, телепень, лодырь, тетеря!
„Лежит на боку
Да глядит за реку!“
— „Дело что? Не медведь! Эх, всхрапнуть бы теперя!“
„На себя оглянуться“ давно нам пора б.
Кто охотник поспать-похрапеть, как не раб?
Освященный всей рабскою жизнью былою,

РУССКИЙ ХРАП был в чести: не какой-либо храп —
БОГАТЫРСКИЙ! Звучит похвалою!

Чем не хвастали мы? Даже грязной килой.

Ничего, что в истории русской, гнилой,
Бесконечные рюхи, сплошные провалы,—

А на нас посмотри:

На весь свет самохвалы!

Чудо-богатыри!

Похвальба пустозвонная

Есть черта наша русски-исконная.

Мы рубили с плеча.

Мы на всё назывались.

Мы хватались за все сгоряча,

Сгоряча надрывались

И кряхтели потом на печи:

— „Нас не учи!

Мы сами

С усами!“

Чем — не только одни москвичи —

В дооктябрьские годы гордились?

Что показывать знатым гостям не стыдились?

— „Кто ЦАРЬ-КОЛОКОЛ подымет?

Кто ЦАРЬ-ПУШКУ повернет?

Шляпы кто, гордец, не снимет

У святых в Кремле ворот?“³

Носом землю — убогие, темные! — рыли,

А весь свет перекрыли:

Царь-колокол! Вона!

Первый в мире! Одначе, без звона!

Пушка — первая в мире! Царь-пушка!

Одначе, пустая игрушка
Для расейского глазу:
Не стреляла ни разу!
В Кремле по священным углам
Стоял исторический хлам.
Расейская старая горе-культура —
Дура,
Федура.
Страна неоглядно-великая,
Разоренная, рабски-ленивая, дикая,
В хвосте у культурных Америк, Европ,
Гроб!
Рабский труд — и грабительское дармоедство.
Лень была для народа защитное средство.
Лень с нищетой, нищета с мотовством,
Мотовство с хвастовством
Неизменное, вечное держат соседство.
Рабский труд развратила господская плеть.
Вот какое наследство
Надо нам одолеть.
Царь-пушка! Царь-колокол! Эти уроды
Торчат в наши бурные годы
Бесполезно, как ер упраздненный и ять.
Но... неужто мы строим гиганты-заводы,
Царь-заводы, которые будут... стоять
Перед нами, отцов своих вялыми чадами,
Будут молча стоять неживыми громадами?!
Ноль на ноль — в результате ЦАРЬ-НОЛЬ!
Так, родимые, чтоль?
Приглядимся-ко лучше, не наша вина ли,
Что в упряжке у нас с коренными — беда?

Мы, везущие вяло и врозь, кто куда,
Перегрузкою Ленина в гроб мы загнали!
Можно Сталина тоже — туда!

Ерунда!

Всех работников лучших, трехжильных, везучих,
Хоть каким-раскаким будь он там силачом,
Нам загнать нипочем.

И загоним. И дело провалим.

К берегам заповедным мы не причалим
И сойдем с исторической сцены долой,
Как пустышки, луны, дураки, сумасброды,
Если не переделаем нашей гнилой,
Нашей рабской, наследственно-дряблой природы,
Если срока, нам данного, не прохрапим,
Не отбросим прохлады своей и развалки,
Дисциплиной труда если не укрепим
Волевой пролетарской закалки!
Чтоб победы достичь и в труде, и в бою,
Чтоб с пути устранить и провал, и осечку,
Мы должны переделать природу свою,
А не хныкать, не лезть на „родимую печку“!

★

Герои труда суть герои труда.

Трудовой полководец есть ноля без геройства,
Два ноля — без заботливого беспокойства:
Всё ль в порядке? Не вторгся ль противник куда?
Враг не вбил между штабом и армией клина?
Крепка ль трудовая везде дисциплина?
Велика ли в жилье, в провианте нужда?
Нет ли где разложения
Иль отступления?

Не послать ли туда иль сюда подкрепления?
Раз'ясняющий
И вдохновляющий
Там иль здесь, боевой, может, нужен приказ?
И везде — полководческий собственный глаз!
А у нас
— Редкий вычет!
Редко виден хозяйственно-бурный экстаз! —
А обычно начальство растерянно хнычет:
— „Нет, с такими войсками я — пас!
Повобранцы! Куда мне они, новобранцы?
Деревенские все обос... дранцы!
Слепые,
Тупые,
Ругательные,
Насквозь несознательные:
Спецодежду, авансы забрали,
Инструменты — иные — украли
И с фронта удрали!“

**БЮРОКРАТИЧЕСКИ ПРОВЕДЕННАЯ ВЕРБОВКА — ПЛОХАЯ ПОМОЩЬ ДОНБАССУ
ЗА ПЛОХУЮ ПОДГОТОВКУ К ПРИЕМУ БАТРАКОВ — К ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

ХАРЬКОВ, 2 сентября. (Наш корр.). Утечка рабочей силы из Донбасса продолжается. Для пополнения рабочих кадров в Донбасс завербовано около 11 тыс. батраков. Но вся беда в том, что уже свыше 50% батраков оставили шахты. Так, например, на шахтах Донбассантрацита из 2108 завербованных вернулись обратно 1158. На шахтах Артемугля из 1365 ушли 708. По отдельным шахтам положение еще хуже. На шахте № 6 Артемугля из прибывших 193 батраков ушли 138, а на шахте № 3 из 158 ушли 119. Нередко уходящие

забирают с собой спецодежду и аванс, а на некоторых шахтах Сталинского округа были случаи, когда батраки забирали с собой инструменты.

«Правда» от 3 сент.

Забрали!

Украли!

Удрали!

К сему прибавляем мы в виде морали:

Причины этого заключаются прежде всего в том, что некоторые организации сельхозлесрабочих отнеслись к вербовке по-бюрократически. Вербовка прошла в спешном порядке и при недостаточном классовом отборе. Уполномоченные по вербовке наобещали батракам разные блага (выдачу мануфактуры, бесплатную кормежку в течение месяца, выдачу дополнительных авансов). Были завербованы батраки моложе 18 лет и инвалиды.

Хозяйственные же и профессиональные организации Донбасса также недостаточно подготовились к приему новых кадров. Нет жилищ, не было организовано общественное питание, в казармах и общежитиях отсутствуют постельные принадлежности. Рудничные и поселковые советы отказываются ремонтировать казармы, в которых проживают батраки. В казармах — теснота и грязь.

На очереди прием новых 70 тысяч рабочих. Хозяйственные, профессиональные и партийные организации должны принять срочные меры к приему батраков.

«Правда» от 3 сент.

**Но... семьдесят тысяч „утечной“ волной
Могут хлынуть обратно при первой okazji.**

Тут мало, тут мало морали одной

При упорном, сплошном безобразии,

Разгильдяйстве хропически-злом, дуровластном,

На угольном фронте несчастном!

С новобранцами — точно! — беда:
На призывы — деревня почти что всегда
Преподносит нам кадры батрачества,
С отрыжкой кулачества.
Да, деревня дает новобранцев труда
Невысокого качества.
Но из этих ленивых, нестойких юнцов
Можно сделать бесстрашных, первейших бойцов
И послать на любое геройское дело,
Если их воспитать, обработать умело,
Если им важность наших побед доказать,
Если в зеркале им их самих показать:
— „Вот такая вы братия — шаткая, валкая,
Вот как вялая ваша работа плоха,
Вот такая вы ~~не~~ деревенщина жалкая,
Вот такая у вас в черепах трубуха!
Если вы от работы намажете пятки,
Карачун вам, ребятки:
И в деревне вам тоже не будет добра,
Там ведь тож наступает другая пора,
Другие порядки!
Довольно мечтать: — „Эх, абы
Да кабы,
Да чтоб сами грибы...“
Довольно уже! Намечталися!
Мечты так мечтами остались:
„Лежать на печи
Да есть калачи!“
Калачи только сказочной были едою,
В жизни ж чаще давились корой с лебедою,
И к помещику шли в кабалу, под бичи,

За гнилые, собачьи харчи!
Нет, слезайте, ребяташки, с печи!"

Вот пример в раз'яснение приведенной речи:
Минувшей зимою, в февральский денек,
В рабочий денек, хоть был праздник церковный,
Поступил деревенский один паренек
На чугуно-литейный завод подмосковный.
Беднячок, ясно, не из богатых хозяев,
Алеша Мигаев.

Пришла весна, а за нею и лето.
Востосковался рабочничек наш по земле-то,
Ходит-бродит — не свой,
С больной головой,
Затуманенной,
Смотрит птицею раненой.
В деревню б ему, погулять бы в леске,
У реки полежать на горячем песке,
Ленивой рукой почесать у мошонки.
И вот стал наш Алеша в такой вот тоске
Сочинять, выводить на бумаге стишонки,
Царапать, коряво писать, не хитро,
А меж тем в них свое обнажил он нутро,
Все нутро деревенское, нудное,
До ужаса скудное:

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ МОЯ

„Я сижу под окном,
В общежитьи одном,
Далеко от родного селенья.
И хочется мне уехать скарей
Туда, где знакомы мне все деревья.

И долго я думал, с собой рассуждал:
Куда же типерь мне деваться?
Но потом порешил я забыть обо всем,
Тут до осени жить аставаться.
Не бесцельная жизнь и работа моя.
Ну, канешна, вам стало понятно,
Что раздевши совсем и разувши при том,
Было б ехать домой неприятно.
Не от жизни хорошей я приехал сюда.
И сестра тож в москве проживаить.
От судьбы ли зависит иль от жизни такой
Перемена большая бываить.
Мне б хотелось одно: был бы дом наш родной,
Не в большом, но хоть в среднем достатке,
Сестры, братья мои жили б вместе всегда,
И хозяйство чтоб было в порядке.
Вдруг заиграла гармошка.
А я все сижу под окном.
Ребята играют, пляшут, смеются,
Но я лишь мечтаю об одном:
Для чего я живу на чужой стороне,
И силы свои убиваю?
Для себя я нажать ничего не смогу
И квалификации никакой я не знаю.
Солнце садится за тучи.
А я под окном все сижу.
Кто ни паймет, что написано,
Приходите ко мне, я вам все расскажу.

8 авг. 1930 г.“.

Ну что может быть печальней?
Тоскует парень в стороне чужедальной.

Пришел на завод с тощим животом,
„Раздевши совсем и разувши при том“,
Тоска его гложет,
Что „для себя ничего поднажить он не может“,
Платят ему неважную монету,
Потому — „квалификации нету“.
Есть у парнишки,
Тайные мыслишки.
Не совсем парень лапти плетет:
Лишнее слово замажет.
Кто всего не поймет, так к нему пусть придет:
Он словами доскажет.
Разберитесь-ка в этом герое!
Вот его откровенье второе:

ЖИЗНЬ МОЯ В ОБЩЕЖИТИИ

„Вечер уже наступает.
Становится мне холодней.
Из общежитья хотел бы я скрыться,
Подальше в лес от людей.
Надоело мне общежитье:
День и ночь все шумит здесь рабочий народ.
Встают они утром рано,
И гудят, как чугуно-литейный завод.
Всегда мне одно здесь мешает:
Кубы кипячу я всегда.
Надо во-время их приготовить.
Мне с работою прямо беда.
Нельзя отойти мне на время,
Чтоб в лесу посидеть, погулять.
Рабочие придут с работы

И будут меня все ругать.
По время придет и свободно вздохну я,
Распрошусь с общежитьем тогда,
Нагуляюся сколько угодно,
Не терять чтоб свои молодые года.
Ах, зачем я попал на чужбину?
А затем, чтобы денег нажить,
Нарядиться, как можно, получше,
Патинки с костюмом купить.
Но и если купить не придется,
Все ж я скоро уеду домой,
Отдохну я в деревне спокойно,
Зимою на печьке родной!

10 авг. 1930 г.“.

Вот он, деревенский наш „чужестранец“,
Заводской новобранец.
Приглядитесь к его любому стиху.
Весь парнишка тут, как на духу.
Завод ему, ясно, „чужбина“,—
Деревенский детина
Добудет новинки —
„Костюм и патинки“,
И задаст сразу тягу,
Повернувшись к заводу спиной:
— „На всю зиму залягу
На печке родной!“
Для него нет родней человечка,
Чем печка.
Что в сравнении с печкой родною весь мир,
Не то, что завод этот самый бедовый!

Перед нами стоит деэртир
Настоящий, готовый.
На заводе его испугали,
Видать, что ругали,—
Не втянул его, видно, чугуно-литейный
В круговорот свой рабоче-идейный.
Попадет парнишка в „утечку“,
Полезет в деревне на печку,
С печки упадет,
По деревне пойдет,—
По деревне пойдет,
На кулака набредет,—
Кулак ему скажет ехидно:
— „На заводе не пондравилось, видно?“
И начнет пареньку говорить,
Мозги ему ловко дурить:
— „Видал? Убедился?
Ты им не сгодился,
Ентим самым городским,
Заводским?
Не зачислили в КИМ,
В ударные роты?
Подох бы ты там от работы.
Из тебя там мотали 6 кишки,
Измывались бы грубо!..
Читал я твои, между прочим, стишки.
Верно! Сугубо!
Попу показал их намедни
После обедни.
Отец Гавриил
Так хвалил,

Так хвалил!
Прямо, сказал, генельно!
Зело, мол, похвально.
Мол, юноша сей,
Божий раб Алексей,
Одаренный господом-богом,
Столь прельстительным слогом,
Дивным даром письма,
Может нам пригодиться весьма.
Заходи ко мне, парень, случаем:
Потолкуем за чаем!“

Завлечет кулак обормота
В свои тенета.
Начнет Мигасв делать частушки,
Песни-коротушки
Под диктовку кулака-крокодила
И отца Гавриила:

★
У дядченочки дела
Ды очинно сурьезные:
Двух близняток родила,
Ды говорит: колхозные!

★
Мы в колхозе не сидели,
Всю скотину мы псели.
На курей теперь глядим:
Всех до перышек с'едим!

★
Вот получится каков
Наш сочинитель запечный.
У деревенских кулаков
Есть тоже план „встречный“.
У нас — шансы, и у них — „шанды“;

У нас — новобранцы, и у них — новобранцы,
Вербовка пареньков
Для кулаков
И для сов-треста
Из одного места.
От завода до кулака
Дистанция не столь уж велика.
У нас — успех, у кулаков — осечка;
У кулаков — успех, так у нас — „утечка“.
Борьбу с этим КОРОМЫСЛОМ
Надо вести со смыслом,
С деловым проворством,
С большевистским упорством,
С пролетарской решимостью,
С боевой неутомимостью,
С точным учетом мелочей,
Каждой чуть видной детали,
Чтоб среди рабочих не заводилось „рвачей“,
Чтоб „летуны“ среди них не летали;
Чтоб рабочие не превращались в „гостей“,
Чтоб они не допускали разгильдяйства, вредительства,
Чтоб пронизала их вера до мозга костей
В победу пролетарского строительства,
Чтоб рос и креп наш под'ем трудовой,
Чтоб в создании ценностей — не макулатуры! —
Закалялась упругая сталь волевой
Обновленной нашей мускулатуры,
Чтоб наш пафос дошел до крестьянской избы,
Чтоб ушли бедняки из кулацкой уздечки,
Чтобы крепла в них сила для труда и борьбы.
— Слезай, деревенщина, с печки!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Стихотворение „Слезай с печки“ — это не просто газетные стихи на очередную тему. В помещенных здесь строках первый и неутомимый ударник, пролетарский поэт Демьян Бедный, откликается на Обращение Центрального комитета ВКП(б) от 3 сентября 1930 г. и подает свой мощный голос, клич пламенного сердца.

Центральный комитет в своем Обращении призывает сосредоточить все силы партии, все силы рабочего класса на выполнении промфинплана, на обеспечении успеха программы третьего года пятилетки. И тотчас на призыв откликается Демьян Бедный. Он переливает призыв партии в поэтические строки, и, перекликаясь с лучшими борцами за промфинплан — с ударниками, — гремит во весь голос об опасностях, подстерегающих нас на социалистическом хозяйственном фронте.

Поэт избрал темою своего фельетона прорыв на угольном фронте. Почему? Да потому, что угольная промышленность — это сердце индустрии. В ближайших произведениях Демьян Бедный остановится также на прорывах в железнодорожном деле, в культурно-строительстве, в легкой индустрии и пр. Всё это составные части одной большой темы, которая, разумеется, не может ограничиться лишь одними прорывами и неполадками: в последующих фельетонах Демьян Бедный остановится подробно на наших достижениях, на перспективах.

„Преодоление стоящих перед нами трудностей прежде всего зависит от нашей работы, от на-

шего умения вести последовательную и непримиримую борьбу с расхлябанностью, разгильдяйством и бюрократизмом в наших органах и особенно от нашей способности мобилизовать рабочий класс, являющийся источником быстро растущей и прямо неисчерпаемой революционной энергии для дела борьбы за коммунизм“ (из Обращения ЦК ВКП(б) от 3 сентября).

Если дело обстоит так, то поэт рабочего класса не в силах молчать: гневно, с плеча, он выворачивает наружу типические случаи разгильдяйства, расхлябанности, пьянки, прямого вредительства.

В связи с небывалым размахом социалистической индустриализации в промышленные предприятия вливается масса новых рабочих из деревни, не прошедших школы крупного производства и нередко пропитанных мелкобуржуазными, рваческими настроениями, — настроениями, принесенными из кулацких кругов.

Тип такого вот рвача дает нам поэт в образе летуна Алексея Мигаева. Летуны эти в обстановке бурного роста промышленности вливаются на заводы, на транспорт, на фабрики, на рудники, и Демьян Бедный в живых образах показывает, как они вредны на производстве и как надлежит преодолевать их влияние. Летуны приходят с настроениями, воспетыми в стихах Алексея Мигаева, в стихах, которые приводят в восторг кулака и попа. Демьян Бедный выворачивает стихи назнанку и показывает их классовую сущность. В этом смысл стихотворения Д. Бедного. В нём удачно соединены директивы партии: с одной стороны, дать сокрушительный большевистский отпор контрреволюционным силам, с другой — стать во главе бурно растущей активности рабочего класса.

А. Ефремин

★

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ваал — высшее божество у финикийян и вавилонян. Служение ему сопровождалось иногда человеческими жертвоприношениями. В переносном смысле Ваал — символ погони за материальными благами, символ жадности и жестокости. Отсюда выражение „капиталистический Ваал“.

² Бедлам — так называется старинный дом для умалишенных в Лондоне. Отсюда в переносном смысле Бедлам — значит сумасшедший дом.

³ Четверостишие

Кто царь-колокол подымет?
Кто царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не спимет
У святых в Кремле ворот?

приведено здесь из стихотворения бездарного поэта Ф. Глинки. Это патриотическое стихотворение назойливо повторялось во всех хрестоматиях дореволюционного времени. В этом стихотворении выражается облик царской России, кичившейся мнимыми достижениями, облик страны, гордившейся никудышними чудесами вроде царь-пушки, которая не стреляет, и царь-колокола, который не звонит.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Московскому областному отделению
Центра индустриального строительства Гос-
плана РСФСР—Москва, Кузнецкий
Мост, 7; Центру индустриального строи-
тельства Госплана—Москва, Центр,
Боголюбовский пер., 4, и во все
районные и отделения Госплана.